

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-311.6

**Характер в адыгской прозе: тенденции поколений
(Керашев Т. и Псигусов А.)***Хуако Ф.Н. – академик АМАН*

В случае рассмотрения персонажного характера как объекта исследования немного поостережемся в своих характерологических оценках, помня мнение французского теоретика литературы А. Компаньона, строго осуждающего «тех строгих филологов, которые, досконально обследовав источники романа Прево, не моргнув глазом переходят к вкусовым суждениям о реальной психологии и правдивости характера Маноп, как будто она сидит рядом с ними, во всей своей привлекательной плоти» [1. с. 23]. Однако, имея в наличии богатый романский материал от Тембота Керашева и Асланбека Псигусова, и понимая необходимость периодического выявления возможных персонажных тенденций между адыгскими авторами разных поколений, позволим себе рассмотреть данную проблематику (пусть, и с допущением некоторого процента субъективности с нашей стороны, обусловившей некоторую «виртуальность» сказанного).

Часто проводимые в художественных романах и новеллах Тембота Керашева линии добра и зла писатель чаще всего ассоциирует с ценностными установками персонажей (Гучипс («Абадзехский охотник»), Лима («Слово девушки»), Куко, Камболет, Бабуф («Куко»), Суанда, Ерстэм, Батым, Таур Темган, князь Альджеруко («Одинокий всадник»)). Любой из названных обладает явно выраженными качествами национального характера. Особенности данной категории в творчестве Т.М. Керашева обладают мощным заделом и напрямую связаны с фактической хронологией адыгов, предпочитавших в бытии бесстрашие и благородство. Такие нравственные приоритеты, тщательно и всесторонне освещаемые адыгским писателем-классиком, достаточно многогранны и разнообразны. К ним относятся следующие качества: защитник (опекающий как родину, так и нуждающихся в этом ее обессиленных жителей); почитатель (и женщин, и старцев); уравновешенность и самообладание в поведении; ответственность и последовательность в действиях.

А также обязательно – предпочтение национальной суверенности и этнической гордости. То есть умение и, главное, – желание отстоять свою родину от любых посяганий, без оглядки на партийность. Однако критику советского времени больше радовали борцы именно классового порядка. Так, анализируя западную романистику второй половины XX в., советский аналитик

В.В. Кожинов весьма благодушен: «Трилогия о Сноупсах Фолкнера, «Доктор Фаустус» Томаса Манна, «Гроздь гнева» Стейнбека, «Чочара» Моравиа, «По ком звонит колокол» Хемингуэя, «Суть дела» и «Тихий американец» Грина – подлинные и полноценные романы, в которых и в помине нет разрушения жанровой структуры, «освобождения» от характеров, действия, многообразных форм художественной речи – всех этих якобы неизбежных свойств «современного» романа. И это обусловлено тем, что в – а значит, и авторы – борются с бесчеловечностью капиталистического мира. Это может быть и прямая борьба с оружием в руках против фашизма, как у Хемингуэя, и стойкое духовное сопротивление, как у Грина, но именно действенность, активность является почвой для «спасения» жанра» [2. с. 431-432]. Хотя, по нашему мнению, подобное безжалостное ограничение категории мужества, мотивировавшей не одно поколение защитников Родины, несколько неправомерно. Категория бесстрашия, по мнению авторского персонажа, аульчанина, в рассматриваемых нами романах, включает все возможные добрые помыслы и свершения, точнее, это есть добро. Данная весьма массивная и внушительная субстанция могучим и стремительным ходом обрушивается на растерянного читателя середины прошлого века, лишь в аулах видевшего крупинки «адыгэ хабзэ», но плохо представлявшего его суть, особенно в городе. А здесь чудом появляется яркая и блистательная черкешенка, рядом – опекающий ее бесстрашный черкес, и над ними законом парят общеадыгские приоритеты. Благодаря этому компенсируется имеющаяся потребность: впитывая все, случаящееся с героями, читательское подсознание не позволяет ему забыть строку и только роднит их. Герой выступает в роли столь необходимого любому взрослому адыгу человеческого идеала либо попутчика.

Подобные характерологические предпочтения достаточно отчетливо просматриваются и в прозе современных адыгов, в частности, в исторических романах активного сегодня прозаика Асланбека Псигусова. Признаки характера, интенсивно воспевавшиеся прозой социалистического реализма и имевшие место в трудах Т.М. Керашева, присущи здесь персонажам, участвующим в построении хеттского общества и беззаветно трудящимся на этой ниве. Имеются в романах А.Х. Псигусова герои работающие, философствующие и плотно вооруженные жизненным опытом, нередко мудрым и авторитетным. Авторская тональность в персонажных описаниях дает возможность предположить личную индивидуальную расположенность писателя к такой общественной категории, которая является по своим возможностям насыщенной, однако не слишком почитаемой социумом сегодня, хотя и воспевавшейся социумом времен Т.М. Керашева.

В течение продолжающегося романного повествования современный адыг-

ский автор, рисуя действующих героев, более того, высказывает тональность непритворной благосклонности к трудовым активистам. При этом А.Х. Псигусов преподносит явное личное почитание работающего участника, делая это с помощью сердечных высказываний, исторгающихся устами пришедшего в кадр земляка. Следует заметить, что писатель здесь несколько превозносит образ рядового трудового специалиста. Однако он производит такое вознесение абсолютно осмысленно. Он стремится утверждать полную слабость, незащищенность бытовых препонов и социальных беспределов перед настроем и заделом реального профессионального мастеровитого адыга. Такой оттенок поклонения трудолюбию отнюдь не всегда пафосный, время от времени он весьма филигранный и утонченный, конструируется намеками, тем не менее просматривается обязательно. В частности, при картинном описании профессионала-рукотворца, занятого корзинным плетением, который чем-то огорчен, писатель вскользь, однако с явным почитанием, определяет его «гибкие пальцы, с привычной сноровкой продолжающие выгибать ивовые прутья» [3. с. 27].

Автор отнюдь не старается проследить формирование личности в роли умельца. Читатель сталкивается с ним, как с уже опытным мастером. Рукотворец искусно, радостно обращается к своей деятельности, а потому очевидны трудовые качества врожденного таланта. Фактически читатель знакомится с ним в момент, когда уже сложившийся и зрелый умелец констатирует реальное отсутствие конкуренции в окружающем его социуме земляков. При этом А.Х. Псигусов время от времени откровенно высказывает свое индивидуальное почитание не к одному лишь бессмысленному взмаху инструментом, но непосредственно к рабочему делу, содержащему душу. Таким образом, непосредственно труд как обязательный субъект выступает очевидным источником жизненной отрады для персонажей романов современного адыгского автора.

Аналогично занимающийся любимым делом профессионал изображен крупным планом и на первых страницах керашевских произведений: отец главного героя – мастер по разведению коней («Дорога к счастью»); почитаемый земляками и поучающий героя старый коневод Кизбеч в повести «Дочь шапсугов»; молодой организатор фермерского хозяйства Болет («Злоключения Нану»); опытный пастух Василь («Абрек») и т.д. Таким образом, данная тенденция представления в зачине мастера-профессионала, влияющего на массу других персонажей, имела место в трудах Т.М. Керашева и успешно наследуется современным романистом А.Х. Псигусовым. Собственно такое, воспеваемое социумом и выносимое в эпиграф рукотворство, выступает неуклонным на путях столетий. Оно переходит от дедов к внукам, одаривая первых качественным инструментарием для выковывания

личности вторых.

На протяжении многовековой истории адыги находились в центре не одних лишь межгосударственных бизнес-линий, но и глобальных интересов большого числа старинных империй. Это вынуждало адыгов вести длительную, практически постоянную борьбу за свое независимое нахождение на планетарном пространстве. Подобных случающихся (значительных либо средних по размеру, либо совсем мизерных) событий достаточно много. Тем не менее, все они в собственной совокупности формируют общий конструктивный пласт, сливаясь посредством протекающей в них национальной силы. Такая энергия сплачивает пестроту фактов, моментов, их поводов, а также образует языковые и невербальные связи лиц различных классов, полов и настроений. Вливаются воедино в общую картину их рядовые проблемы, фамильные и потомственные касательства, происходящие при отправлении бойца или военной группы к соратнику или земляку, батальная эффективность на ратных площадках. При этом, стратегически определяя своих персонажей по их хроникально фактическим подвигам, писателям удается произвести интригу, в полной мере погружая адресата в мысли, позывы устремляющихся в темноту седоков.

В имевших место тягостных обстоятельствах необходимо было не просто сохранить этнос, но по возможности оперативно организовать монолитную страну, способную отваживать врага. Очерчивая хронологическую обстановку, неволившую его прадедов вооружаться, классический адыгский писатель Т.М. Керашев производит это в ряде своих публицистических работ (подробный и обстоятельный упор на которые делал в своем выступлении проф. Р.Г. Мамий на состоявшемся в АРИГИ 05 сентября 2017 г. «Круглом столе», посвященном классику). Так, в статьях «Искусство адыге» (1932) и «Слово об адыгах (черкесах)» (1982) Т.М. Керашев детализировано приводит описания черкесской военной арматуры и брони, эмоционально гордясь своим землячеством. Аналогично четко ставит себе жизненную цель, не скупясь вооружается и мастерски седлает коня военный всадник у А.Х. Псигусова. Профессионально выступает при этом и кузнец, которому предстоит вооружить бойца. Специалист, производящий разнообразные средства для военного действия, в слиянии со своим позитивным эмоциональным настроением, образует реального участника событий, не устающего творить и, тем самым, влиять на происходящее.

Воспроизводя батальные сцены и утвердив военные заслуги, классическому адыгскому автору Т.М. Керашеву удавалось затронуть стержневую, на его взгляд, национальную грезу. Освещая с восторгом и радостью «мирную жизнь в труде и искусстве», он разрешает себе в соответствующих кадрах высказать полный ряд комплиментарных комментариев, предвещая тем

самым вышеуказанную психусовскую тенденцию авторского обожания предмета. Нередко это явление и в публицистике Т.М. Керашева. Получателем в ней, объектом обращения и превознесения выступает бренд, произведенный талантом национального мастера. В таком производственном числе присутствуют следующие: и женский наряд, и золотое шитье, и хлеб, и черкесские сады, и кони, и овцы. В общем, такие качественные продукты произведены, по терминологии автора, «интеллигентиком», «черкесенком». Аналогично и в современном романе у А.Х. Психусова просматривается вековая закономерность характерных для адыгского этноса знаковых продуктов, выступающих перед поколениями реальными этническими символами (как то стальное оружие и снаряжение, бурка и папаха, золотое шитье, сыр, коневодство и т.д.), многие из которых перекликаются с керашевским рядом. В то же время выделяемые нами и описываемые авторами признаки личности определяют неперемнную и безусловную благость намерений. Ради требуемого отечеством итога кузнец твердо готов поступиться индивидуальными личными желаниями.

Причем, как уже указывалось, вновь хроникально предопределенный этнический портрет со многими характерологическими признаками в полном объеме имеется и в публицистике Т.М. Керашева. В частности, адыг в роли узлового героя (публицистическая зарисовка «Встреча», 1935) присутствует как входящий в армавирский вагон персонаж. Непосредственно в первых строках, спешащий пообщаться с коммуникантами, этот герой попадает в область некоего обвинения. Обвинительно смотрящий на такого героя старец интенсивно озвучивает адресованные ему упреки; воспринимает его как некоего бюрократа, некогда оскорбившего его самого в ходе налогового платежа. Сообщая соответствующие думы, старец применяет прием обращения к праведному товарищу Хакурате, якобы могущему вмешаться и справедливо решить. Непритворно стремящийся организовать коммуникацию с оскорбленным, неизвестный в адыгской одежде стремится смягчить первого, подсмеивается над ним, однако безуспешно. Старец и его соратники сохраняют свою обиду на него. Однако в процессе последующего сюжетного прогресса адыгский классик успешно изображает данный сюжетный участок. Расположившийся на некотором железнодорожном пролете участник, в адрес которого многие жители говорят «Хакурате», выступает и в ходе местного хасэ. Он при этом, даже возвышаясь над слушающей его толпой, успевает увидеть стремящегося сбежать старца. Итогом здесь оказывается успешное событийное продолжение, в том числе кадры, где командующий революционер дает возможность старцу привести в порядок его ранний инцидент, при этом оказываясь для него реальным примером для подражания. Аналогично и в наше время в воспроизводимых А.Х. Психусовым прозаиче-

ских строках присутствуют детальные частности бесчисленных национальных хасэ, определявших общенародные стратегии.

В данном случае налицо тенденция, описанная в работе советского теоретика литературы В. Кожина, анализировавшего стадию ухода как мирового, так и отечественного произведения от идеологии к внутреннему миру: «Принципиально иной характер имеет рассказ Леонардо, ибо образы людей создаются в нем не для того, чтобы в их действиях и речах запечатлеть какой-либо общий, отвлеченный от непосредственного содержания их личностей смысл; образы интересны сами по себе. Это, конечно, вовсе не значит, что искусство тем самым отвлекается от общества и погружается в изолированную сферу жизни личности. Даже в кратчайшей сценке Леонардо личности выступают в сложных общественных обстоятельствах, в прямой соотнесенности с современной социальной борьбой. Все дело в том, что образ человека как определенной целостной реальности, как конкретной личности становится исходной точкой всего отношения художника к миру, пунктом, от которого как бы начинается «отсчет», и, во-вторых, самим мерилем для оценки всех вещей и отношений мира» [2. с.22]. Следовательно, судя по объемам анализируемых нами художественных трудов адыгских романистов, часто просматривается как в литературе Т. Керашева, так и сегодня у А. Псигусова тональность обращения к национальному характеру – явление частое для исторической прозы как прошлого, так и нынешнего веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Компаньон А.* Демон теории. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001.
2. *Кожин В.В.* Происхождение романа. М.: Советский писатель, 1953. 158 п.л.
3. *Псигусов А.Х.* Жизнеописания тридцати хеттских царей. ПуШаррума (отец) и Табарны I (сын): Роман. Кн. III и IV. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2006. 44, 94 п.л.

ABSTRACT

In the work of F. N. Khuako, the subject of consideration is such a facet of prose creativity of adyge authors (T. Kerashev and A. Psigusov) of the past and new centuries as a national character. Starting from the need to find the existing character trends by adyge authors of different generations, the author of the article proceeds to clarify the aspects of the topic. Here the most actively prevails the subject of the question, taking into account the value component of the characters appearing in the prose of the analyzed writers (defender of the fatherland, professional in work, etc.). the result of F. N. Khuako's work is the conclusion that taking into account a considerable number of literary texts of the analyzed prose writers, it is permissible to assert the preservation of some tendencies of the national character even at the age-old level.

Keywords: Adyge, prose, T. Kerashev, A. Psigusov, character, tendency.

Maikop state technological university, Maikop

© Ф.Н. Хуако, 2019

АННОТАЦИЯ

В работе Ф.Н. Хуако предметом рассмотрения выступает такая грань прозаического творчества адыгских авторов (Т. Керашев и А. Псигусов) прошлого и нового веков, как национальный характер. Отталкиваясь от необходимости нахождения существующих персонажных тенденций адыгскими авторами разных поколений, автор статьи переходит к уточнению аспектов темы. Здесь наиболее активно превалирует тематика вопроса с учетом ценностного компонента у героев, фигурирующих в прозе анализируемых писателей (защитник Отечества, профессионал в труде и т.д.). итогом работы Ф.Н. Хуако выступает вывод о том, что с учетом немалого числа художественных текстов анализируемых прозаиков, допустимо утверждать сохранение некоторых тенденций выведения национального характера даже на вековом уровне.

Ключевые слова: Адыг, проза, Т. Керашев, А. Псигусов, характер, тенденция.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования “Майкопский государственный технологический университет”, Майкоп

© Ф.Н. Хуако, 2019